

(1) С выходом в серии «Жизнь замечательных людей» книги Марка Гейзера о Маршаке представление о знаменитом поэте у массового читателя должно измениться. (2) Да и не только у массового. (3) Даже такой маститый критик, как Бенедикт Сарнов, считал, что «самобытным художником, тем Маршаком, каким мы его знаем, он стал только в советское время».

(4) Но вот теперь Марк Гейзер подробно рассказывает о приходе поэта в литературу, и мы узнаём, что начинал Маршак со стихов, которые вызвали восторженные отзывы Стасова, сразу же взявшего юного поэта под опеку, а также Горького, Шаляпина и других выдающихся мастеров. (5) Ахматова, например, позднее признавалась Самуилу Яковлевичу, что без его «Книги Руфи», вышедшей ещё в 1909 году, не было бы её «Лотовой жены» и некоторых других стихов...

(6) В жизни Маршака случалось такое, что ему угрожала реальная опасность. (7) Вот хотя бы история с разгромом маршаковской редакции Детиздата, когда были арестованы многие её сотрудники и авторы. (8) Годы спустя в деле одного из репрессированных тогда детиздатовцев нашли ордер на арест самого Самуила Яковлевича. (9) Спасло его то, что он вовремя уехал из Ленинграда...

(10) Откуда же взялся детский классик Маршак, восхищавший таких больших и очень разных писателей, как М. Горький, В. Маяковский, М. Цветаева, К. Чуковский? (11) Всемирно известный переводчик, выигрывавший творческие «дуэли» у самых выдающихся мастеров? (12) Замечательный педагог, воспитатель юных, да и не юных поэтов?

(13) Главное, наверное, было в его любви — к людям, к литературе и прежде всего к детям. (14) А знаменитые маршаковские беседы с чем-то заинтересовавшими его людьми (чаще всего с литераторами) — восторженными откликами на них полны воспоминания о Самуиле Яковлевиче?..

(15) Одну из самых сильных страниц в творческой биографии Маршака приоткрыл Борис Полевой, в ту пору — главный редактор журнала «Юность». (16) Он уже слышал, что Маршак еле жив, что врачи борются даже не за дни, а за часы его жизни... (17) И вдруг звонок у него в редакции: «С вами хочет говорить Самуил Яковлевич». (18) Полевой не поверил. (19) Решил, что его разыгryвают.

«(20) И тут я слышу то, — вспоминает он, — что сразу убеждает меня, что я говорю с настоящим Маршаком, с поэтом, находящимся при смерти:

— (21) Голубчик мой, вы, наверное, слышали, я ослеп. (22) Ничего не вижу. (23) Но гранки мне прошли. (24) Поверьте, там есть серьёзные огрехи. (25) Нет-нет, не ваши, а мои огрехи... (26) Гранки перед вами? (27) Найдите страничку такую-то, (28) Нашли? (29) Возьмите карандаш, я вам продиктую поправку. (30) Мне становится страшно.

— (31) Самуил Яковлевич, я к вам заеду. (32) Журнал потерпит.

— (33) Нет, нет, нет, это мы с вами можем потерпеть, а журнал терпеть не может. (34) У нас миллион читателей, им надо вовремя доставлять журнал. (35) Записывайте. — (36) Это звучит уже как приказ».

(37) Полевой решил, что худшее для Маршака уже позади. (38) Не может же человек на смертном одре держать корректуру!

(39) Но Маршак — мог. (40) И уже через день после этого разговора Полевой услышал, что Самуила Яковлевича нет в живых...

(По С. Сивоконю*)

*Сергей Иванович Сивоконь (род. в 1933 г.) — русский литературный критик и литературовед.

Из предложений 39—40 выпишите все предлоги.